

Н. В. Коптева
г. Пермь, Россия

Онтологическая уверенность и уверенность в себе*

Тезис английского экзистенциального психолога Р. Лэйнга о том, что любая другая уверенность зависит от онтологической уверенности, подвергается эмпирической проверке на примере уверенности в себе. Авторский теоретический и эмпирический конструкт онтологической уверенности сопоставляется с теоретическим и эмпирическим конструктом В. Г. Ромека, созданным на основе целого ряда тестов личностной уверенности.

Ключевые слова: экзистенциальная позиция, онтологическая уверенность – неуверенность, воплощённое и невоплощённое Я, методика диагностики онтологической уверенности, уверенность в себе.

N. V. Kopteva
Perm, Russia

Ontological Security and Self-Confidence

The English existential psychologist R. Laing's thesis that all other certainties depend upon ontological security is empirically tested in terms of self-confidence. The author's theoretical and empirical construct of ontological certainty is compared with V. G. Romek's theoretical and empirical construct created through a series of self-confidence tests.

Keywords: existential position, ontological security – insecurity, embodied – unembodied Self, ontological security diagnostic technique, self-confidence.

Постановка проблемы. В своей знаменитой книге «Расколотое Я» («The Divided Self. An existential study on sanity and madness» [23]) английский экзистенциальный психолог Р. Лэйнг через описание клинических случаев шизоидов и шизофреников раскрыл феноменологию онтологической неуверенности. Последняя, в соответствии с эпитетом, вместе с которым используется слово, не сводится к простой неуверенности в себе: онтологически неуверенная личность воспринимает обычные жизненные условия, контакты, не вызывающие затруднений у большинства людей, как угрожающие самому её существованию. Одновременно Р. Лэйнг наметил контуры противоположного по своему психологическому смыслу феномена онтологической уверенности, который также представляет собой нечто большее, чем уверенность в себе. В частности, с онтологической уверенностью Р. Лэйнг связывал экзистенциальное рождение ребёнка: «Иными словами, за физическим рождением и биологическим приобретением жизни следует экзистенциальное рождение ребёнка как реального и живого. Обычно такое развитие – само собой разумеется, оно фундамент той уверенности, от которой зависит любая уверенность [12, с. 36].

В связи с этим одним из первых вопросов, которые «напрашиваются» на эмпирическую проверку при прояснении того, что представляет собой онтологическая уверенность, является вопрос о её соотношении с уверенностью в себе.

Как ни странно, категорию онтологической уверенности, проблематика которой связана с экзистенциальной философской и соответствующей психологической традицией, и уверенность в себе, едва ли не самое ходовое понятие житейской психологии, объединяет недостаточная разработанность. Р. Лэйнг, являясь феноменологом, свёл к минимуму обсуждение теоретических вопросов даже в отношении предмета собственного исследования – онтологической неуверенности. Немногочисленные отечественные исследователи творчества Р. Лэйнга, преимущественно философы, которые в основном обсуждают его деятельность как одного из представителей антипсихиатрии, не обходят вниманием также «Расколотое Я»; однако, следуя избранному автором клиническому курсу исследования, как правило, не затрагивают понятие онтологической уверенности [2; 3; 10; 11; 14; 17; 19]. Нам не известны также дальнейшие разработки этого понятия на Западе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 10-06-82-607а/У

Предпочтение было отдано используемому в статье переводу названий феноменов, обнаруженных Р. Лэйнгом, хотя в перечисленных русскоязычных исследованиях они именуются *онтологическая небезопасность, незащищенность, безопасность, защищённость* в соответствии с преимущественно используемыми в оригинале обозначениями *ontological insecurity, security*. Однако у автора можно в качестве синонимов (как и в приведённой выше цитате¹ из книги) встретить слова *certainty, uncertainty* [23, p. 39, 42, 48, 69], которым соответствует перевод *уверенность, неуверенность* в русской версии книги [12]. Одна из англоязычных рецензий на книги о Р. Лэйнге называется «*The charisma of uncertainty*» [24].

«Онтологическая неуверенность – уверенность», согласно Р. Лэйнгу, составляет континуум **экзистенциальных положений, позиций** (*existential position*), соответствующих мере надёжности структурирования элементов бытия-в-мире. К ней имеет отношение **другая оппозиция экзистенциальных положений** (*basic existential settings, position in life: воплощённости – невоплощённости* (*embodied – unembodied self*)). В составе бытия Р. Лэйнг различает центральный анклав – Я, к которому в норме вместе с ментальным Я относится тело как ядро истинного Я [12, с. 60]. Стороны бытия личности за пределами анклава Я обозначаются Р. Лэйнгом как Не-Я. В норме аспекты бытия за пределами Я входят в его состав, не являясь, однако его необходимой частью. В узком смысле воплощённость подразумевает воплощённость ментального Я в теле. «Обычный» человек, идентифицирует себя с телом, связывает с ним своё существование в пространстве и времени. В клинике невоплощённость проявляется в экзотических формах переживания отделенности ментального Я от физического тела: например, больная воспринимает своё лицо как лицо ненавистной матери и безжалостно уродует косметикой; другой больной, избитый хулиганами на улице, недоумевает, зачем они это сделали, ведь его истинное Я при этом не понесло никакого урона. Отказ от собственного тела связан с его уязвимостью, доступностью влиянию других.

Однако больной «отдает» не только тело. В экзистенциально-феноменологической традиции, которой следует Р. Лэйнг, тело как физический объект не совпадает с телом как экзистенциалом человеческого существования. Согласно М. Боссу,

¹ «*In short, physical birth and biological aliveness are followed by the baby becoming existentially born as real and alive. Usually this development is taken for granted and affords the certainty upon which all other certainties depend*» [23, p. 41].

на исследования которого ссылается Р. Лэйнг, «у человеческой телесности нет внешних границ, её существование в пространстве и времени радикально иное, чем у всех остальных сущих. Телесность распространяется на всё воспринимаемое человеком, все феномены его бытия-в-мире связаны с его телесностью, границы его тела совпадают с границами его мира» [17, с. 155]. Невоплощённость шизоида проявляется ещё и в том, что он представляет собой исключительно «несчастное сознание» (выражение Г. Гегеля), его тело является ядром «системы ложного Я», личины, маски. Раздвоенное бытие невоплощённой личности неподлинно не только «снаружи», но и «изнутри», потому что «истинное» Я никогда не подвергается проверке реальностью.

Проблема невоплощённости в этом смысле, как проблема отчуждения, не ограничивается клиническим аспектом, она является одной из наиболее актуальных для современного человека, который «ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстранённым от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий... Отчуждённый человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми. Он воспринимает себя, равно как и других, подобно тому, как воспринимают вещи – при помощи чувств и здравого смысла, но в то же время без продуктивной связи с самим собой и внешним миром» [21, с. 372–373]. Д. И. Дубровский констатирует «типичную для нашей жизни всепоглощающую игровую имитацию. Везде – сплошные маски и роли. Самая интересная, притягательная, самая популярная персона – артист. И чем искуснее имитируют нечто, тем выше волны восторга. Безукоризненное лицедейство, безошибочное исполнение роли – как актерами, так и зрителями – есть то, что принимается за настоящую реальность» [5, с. 103]. Таким образом, и обычных людей можно считать «частично воплощёнными». Онтологическая уверенность в описании Р. Лэйнга не является чем-то однородным и позволяет также выделить её в качестве «идеального предела», «воплощённости», укоренённости в бытии здорового человека, для определения которой в противоположность «несчастному сознанию» подходит выражение «бытийствующее сознание», существующее в современной отечественной философии и психологии.

Экзистенциальные положения онтологической уверенности, воплощённости представляют собой общий корень целой системы переживания

ний: «Человек может обладать чувством своего присутствия в мире в качестве *реальной, живой, цельной и во временном смысле непрерывной* личности. Как таковой, он может жить в мире и встречаться с другими: мир и другие переживаются как *в равной мере реальные, живые, цельные и непрерывные*. Подобная, в своей основе онтологически уверенная, личность будет встречать все жизненные опасности – социальные, этические, духовные и биологические – с твёрдым ощущением реальности и индивидуальности самоё себя и других людей. Зачастую для такой личности с подобным чувством своей неотъемлемой самости и *личностной тождественности, неизменности вещей, надёжности природных процессов, субстанциональности природных процессов, субстанциональности других* очень трудно перенестись в мир индивидуума, чьим переживаниям чрезвычайно недостает неоспоримой самообосновывающей определённости» [12, с. 33]¹. Переживания человеком собственного Я в единстве с телом распространяются на бытие-в-мире в целом, определяют «физиогномию» мира. Приведённые определения можно рассматривать в качестве соответствующих «дискретным» переживаниям онтологической уверенности базового уровня. Эти переживания, имеющие ценностный характер, будучи «разнесены» по разным элементам бытия-в-мире (Я, мир, вещи, природные процессы, другие люди), не являются специфичными для них, а выражают смысл, который им придает человек.

Классику американской психологии У. Джемсу принадлежит сходная мысль о причастности переживания человеком единства собственного ментального Я и тела к переживанию того, что он относит к своему эмпирическому Я, что может назвать своим. «Моя настоящая личность ощущается мною с оттенком родственности и теплоты. В этом случае есть тяжёлая тёплая масса моего тела, есть и ядро моей духовной личности – чувство внутренней активности. Без одновременного сознавания этих двух объектов для нас невозможно реализовать собственную личность. Всякий предмет, находящийся в отдалении, если он удовлетворяет этим условиям, будет сознаваться нами с таким же чувством теплоты и родственности» [4, с. 107]. Глобальная трактовка У. Джемсом переживания идентичности, на наш взгляд, представляет собой общепсихологический коррелят онтологической уверенности². Подобное понимание культурного

тела человека, точкой отсчёта которого является его физическое тело, в отечественной психологии развивает А. Ш. Тхостов [20]. Очевидна близость взаимосвязанных переживаний, пронизывающих эмпирическое Я. У. Джемса, культурное тело человека А. Ш. Тхостова, тем, которые Р. Лэйнг соотносит с онтологической уверенностью. В общепсихологическом подходе они выглядят менее экстравагантно: чувства принадлежности, теплоты, симпатии, интимности, близости, знакомости, родственности, переживание ценности, комфорта и т. д. Это позволило нам использовать соответствующие прилагательные в качестве пунктов методики изучения онтологической уверенности.

В нашем конструкте онтологической уверенности представлены аспекты, соотносимые с основными элементами бытия-в-мире, выделяемыми Р. Лэйнгом: уверенность в Я (ментальном Я и теле) и уверенность в Не – Я (мире, людях), которую мы дополнили уверенностью в значимом (как индивидуальной ценности). Каким образом указанные измерения конструкта онтологической уверенности и онтологическая уверенность в целом, представленные в авторской диагностической методике, основанной на принципе семантического дифференциала «ОУ (СД)», прошедшей психометрическую проверку на конструктивную и конвергентную валидность, надёжность шкал и т. д. (N = 900 человек) [6] соотносятся с известными в психологии конструктами уверенности в себе?

И. Г. Скотникова обозначает два основных направления исследований уверенности в российской и зарубежной науке: уверенности в себе (self confidence) и уверенности в правильности своих суждений (confidence), которые составляют (подобно направлениям изучения тревожности) исследования личностной и ситуативной уверенности, констатируя при этом, что «развитых традиций, выраженного подхода, определённой школы в изучении уверенности в российской науке не сложилось» [18, с. 52].

В отличие от идеи онтологической уверенности, возникшей в рамках гуманитарной парадигмы психологии, уверенность в себе наиболее активно исследовалась в русле естественно-научной традиции, поведенческого подхода с помощью создания опросников, диагностирующих навыки социального поведения, проявления уверенности в различных ситуациях и сферах деятельности и т. д. [15]. В отечественной психологии она в настоящее время изучается В. Г. Ромеком [15; 16]. Приводя целый ряд конструктов уверенности в себе, известных в западной социальной психологии,

¹ Здесь и далее выделение наклонным шрифтом наше (Н. В. Коптева)

² Взаимосвязь американского прагматизма в лице У. Джемса и экзистенциализма, например, для Р. Мэя, очевидна [13, с. 9].

лежащих в основании существующих диагностических методик, он делает вывод о рыхлости и недостаточной ясности соответствующего концепта, а соответственно, недостаточной надёжности средств диагностики уверенности в себе. Различая ситуативный и личностный аспекты уверенности в себе, В. Г. Ромек считает, что за ситуационно изменчивыми проявлениями уверенности в себе лежит вполне стабильная характеристика, обозначаемая во многих языках мира соответствующим выражением.

Уверенность в себе определяется В. Г. Ромеком как обобщённое отношение к собственным социальным навыкам поведения, формирующееся на основании оценок и самооценок. «Поведенческий репертуар, складывающийся из отдельных навыков и стереотипов, образует фундамент уверенности (неуверенности). Прочность, качество и широта этого фундамента служат основанием для когнитивных оценок поведения со стороны близкого окружения или самооценок поведения и его результатов. На когнитивном уровне – а это второй уровень нашей схемы – разворачивается целый ряд процессов, которые сказываются на уверенности в себе. Когнитивные процессы так или иначе связаны не только с поведением, которое даёт для них почву, но и с эмоциональными процессами. Любая – позитивная или негативная – оценка приобретает некоторую эмоциональную окраску, а любая эмоция, в свою очередь, получает когнитивное толкование. Эмоциональные процессы образуют третий уровень нашей объяснительной схемы. Собственно, все эти три уровня resultируются в той неуловимой комбинации качеств, которую люди называют уверенностью (неуверенностью) в себе» [16, с. 9].

Эмпирический конструкт уверенности в себе В. Г. Ромека, таким образом, включает 3 компонента, соответствующие обозначенным уровням регуляции поведения. Полюса когнитивного компонента собственно уверенности в себе, по мнению автора, образуют феномены, близкие по смыслу к «самоэффективности» (А. Бандура) и выученной беспомощности (М. Селигман). Эмоциональный компонент составляет «социальная смелость – застенчивость», а поведенческий обозначен как «инициатива в социальных контактах». Им соответствуют три шкалы методики.

Гипотезы исследования. Уверенность как онтологический феномен и уверенность в себе как совокупность социальных навыков – *взаимосвязанные и все же различные психологические феномены (то есть существует умеренная связь*

общих показателей обеих методик). Не все объекты онтологической уверенности одинаково тесно связаны с уверенностью в себе, а именно: существуют более тесные связи между уверенностью в Я (ментальном Я и теле) и собственно уверенностью в себе.

В ходе эмпирического исследования использовалась уже упомянутая методика изучения онтологической уверенности «ОУ (СД)». Для выявления уверенности в себе использовался тест уверенности в себе [15, с. 59–81], в ходе создания которого автор отобрал утверждения из целого ряда существующих в западной психологии тестов уверенности. Методика прошла проверку на конструктивную валидность на выборке 10 959 чел., обеспеченной при помощи Интернета.

Выборку нашего исследования составили 118 чел., взрослые (студенты заочных отделений пермских вузов) обоего пола в возрасте 25–40 лет).

Взаимосвязи онтологической уверенности и уверенности в себе. Всего выявлено 15 значимых связей аспектов онтологической уверенности с компонентами уверенности в себе (из них 9 связей при $p < 0,001$, см. табл. 1). В тесте В. Г. Ромека интегральная шкала отсутствует. Связь общего показателя онтологической уверенности со всеми тремя шкалами уверенности в себе и наиболее тесная – с одноименной шкалой *уверенности в себе* можно рассматривать в качестве возможного подтверждения тезиса Р. Лэйнга о том, что проявление уверенности, в частности такое важное, как *уверенность в себе*, зависит от онтологической уверенности. Как уверенность в себе и своём мире, ресурсное чувство, подразумевающее наличие надёжных бытийных опор, подлинность бытия-в-мире, она предполагает уверенность в себе в широком смысле, в единстве её компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого, а также в узком смысле – уверенность в себе, как когнитивную составляющую, предполагающую общие позитивные оценки своих способностей к принятию решений в сложных ситуациях, контролю собственных действий и их результатов. Не исключено, однако, и то, что онтологическая уверенность в ряде своих аспектов базируется на уверенности в себе.

Несколько менее тесно общий показатель ОУ связан с эмоциональным компонентом уверенности в себе – социальной смелостью, сопутствующей позитивным самооценкам (в отличие от робости и застенчивости, сопровождающей негативные самооценки) при выборе той или иной альтернативы

поведения. Более тесные связи ментального когнитивного (уверенность в себе) и эмоционального (социальная смелость) компонента уверенности в себе с общим показателем онтологической уверенности, чем с инициативной в контактах, может свидетельствовать о ней как феномене, имеющем скорее ментальную природу.

Из аспектов онтологической уверенности с компонентами уверенности в себе оказался наиболее тесно связан показатель *уверенность в людях* и несколько менее тесно – *уверенность в ментальном Я*. Далее теснота связей убывает от *уверенности в мире* к *уверенности в значимом*. Связей *уверенности в теле* с измерениями уверенности в себе не выявлено. Таким образом, наша гипотеза о связи уверенности в Я как центре индивидуального бытия с уверенностью в себе

подтвердилась отчасти. Бытийная опора в людях оказалась не менее важной для уверенности в себе, как социально психологического феномена, чем уверенность в собственном, причём только в ментальном, Я. Тот факт, что бытийная опора в теле и «составляющие» уверенности в себе оказались относительно автономными, согласуется с идеей А. Адлера о возможной «отвязке» социального самоутверждения от тела, в том числе при наличии серьёзного телесного дефекта. Сходную мысль о том, что формирование личности не определяется индивидуальными характеристиками, даже такими, как грубая анатомическая исключительность, высказывал А. Н. Леонтьев. Вместе с тем, отсутствие подобных связей может быть косвенным признаком самоотчуждения в социальных контактах.

Таблица 1

Взаимосвязи характеристик онтологической уверенности и уверенности в себе в общей выборке (N=118)

	<i>Онтологическая уверенность</i>					
	<i>в значимом</i>	<i>в Я</i>	<i>в теле</i>	<i>в людях</i>	<i>в мире</i>	<i>Общий показатель</i>
Уверенность в себе	0,21*	0,36***	0,15	0,36***	0,25**	0,38***
Социальная смелость	0,19*	0,32***	0,14	0,35***	0,27**	0,36***
Инициатива в контактах	0,23*	0,27**	0,08	0,34***	0,27**	0,34***

Примечание: в таблице коэффициенты корреляции по К. Пирсону при $p < 0,05$ отмечены – *; при $p < 0,01$ – **; при $p < 0,001$ – ***.

Свой «вклад» в уверенность в себе, возможно, вносит также *уверенность в мире*; при этом отношения с миром, вещами, в предметной сфере в меньшей мере служат её подтверждению, чем отношения с людьми. Наименее тесные связи *уверенности в значимом*, том, что составляет индивидуальную ценность со всеми компонентами уверенности в себе, согласуются с результатами проведённых нами ранее исследований, в которых были выявлены менее тесные связи этого аспекта онтологической уверенности также с осмысленностью жизни [7], самоактуализацией [9], обнаружено отсутствие значимых связей с жизнестойкостью [8]. Мы рассматриваем эти данные как указывающие на неоднородность индивидуальных ценностей, подразумеваемых респондентами (как правило, в качестве значимого назывался близкий человек, занятие). Они могут иметь отношение как к самотрансценденции, личностной зрелости, так и аддикции [6]. В данном

случае можно говорить о том, что приверженность индивидуальной ценности придаёт человеку уверенность в себе в меньшей мере, чем другие бытийные опоры.

С целью изучения влияния уровня онтологической уверенности на уровень различных компонентов уверенности в себе была использована процедура однофакторного дисперсионного анализа (N = 118). Показатель онтологической уверенности рассматривался как независимый фактор с четырьмя градациями значений: высокий, средний, ниже среднего и низкий. Зависимые переменные – показатели уверенности в себе. Выделены кластеры с показателями ОУ соответственно 6,59 (N = 21), 6,06 (N = 27), 5,56 (N = 40), 4,96 (N = 30). Установлены эффекты фактора «уровень онтологической уверенности» на все измерения уверенности в себе (на одноименный показатель, а также показатели социальной смелости и инициативы в контактах).

Структура онтологической уверенности и уверенности в себе. Для выявления структуры аспектов онтологической уверенности и уверенности в себе в общей выборке был предпринят факторный анализ частных измерений онтологической уверенности и компонентов уверенности в себе по методу главных компонент без вращения и с последующим Varimax-вращением.

По данным факторного анализа *до вращения* установлена структура показателей ОУ и уверенности в себе, состоящая из трёх факторов (79,5 % объяснимой дисперсии). Два из них, которые ока-

зались смешанными, обнаруживают область пересечения конструкторов ОУ и уверенности в себе. Первый фактор (45,7 %) свидетельствует о том, что уверенность в себе, в единстве составляющих её компонентов, из которых ведущим является одноименный показатель, предполагает полную структуру аспектов (видов) онтологической уверенности, в которой центральное место занимает *уверенность в людях*. Он может быть назван «Взаимосвязанные структуры уверенности в себе как социально-психологического феномена и онтологической уверенности, основанной на уверенности в людях».

Таблица 2

Структура аспектов онтологической уверенности и уверенности в себе в общей выборке до и после вращения (N = 118)

		Факторы (до вращения)			Факторы (после вращения)		
		1	2	3	1	2	3
Онтологическая уверенность	в значимом	-0,563	-0,553	0,154	0,055	0,449	0,665
	в Я	-0,600	-0,434	-0,488	0,231	0,839	0,170
	в теле	-0,410	-0,562	-0,497	0,006	0,845	0,128
	в людях	-0,640	-0,314	0,417	0,237	0,155	0,776
	в мире	-0,542	-0,333	0,560	0,134	0,027	0,836
Уверенность в себе	уверенность в себе	-0,851	0,454	-0,103	0,948	0,143	0,145
	социальная смелость	-0,839	0,471	-0,074	0,947	0,108	0,151
	инициатива в контактах	-0,822	0,489	-0,013	0,939	0,048	0,177
	Собственные числа	3,652	1,687	1,013	2,809	1,680	1,864
	Доля объяснимой дисперсии	45,7%	21,1%	12,7%	35,1%	21,0%	23,3%

Второй фактор (21,1%) позволяет уточнить данные корреляционного анализа, на основании которых было высказано предположение о возможной отчуждённости в социальных контактах. Ядро фактора составляет *уверенность в теле*, от соответствующего показателя лишь незначительно отстаёт *уверенность в значимом* (индивидуальной ценности). Противоположный полюс фактора составлен тремя компонентами уверенности в себе, из которых наибольший факторный вес имеет «инициатива в контактах». Таким образом, уверенность в себе, в которой акцентирована уверенность в теле вместе с уверенностью в индивидуальной ценности, в буквальном смысле «близкой к телу», противопоставляются инициативе (уверенности) в социальных контактах. Э. Эриксон писал о том, что «неотъемлемой частью интимности

является *дистанцированность*: готовность человека отвергать, изолировать и, если необходимо, разрушать те силы и тех людей, сущность которых кажется ему опасной. Потребность в определённой дистанции проявляется, в частности, в готовности укреплять и защищать границы своей территории интимности и общности, рассматривая всех находящихся за этими границами с фанатичной «переоценкой малейших различий» между своими и чужими» [22, с. 147]. Наши данные могут свидетельствовать как о необходимой, так и несколько превышенной мере отчуждения. Э. Эриксон вспоминал высказывание З. Фрейда о том, что нормальный человек должен уметь любить и работать, подразумевая под любовью «великодушие и интимность». В идеале базисной добродетелью, разрешающей противоречие между интимностью

и изоляцией, является любовь, которая как витальная сила «охраняет ту неуловимую и, однако, всепроникающую мощь власти культурного и личного стиля, которая связывает в единый «способ жизни» соревнование и кооперацию» [22, с. 149]. Фактор может быть назван «Полярности уверенности в том, что составляет территорию интимности и уверенности в себе в социальных контактах».

В факторной структуре с последующим Varimax-вращением все три фактора образованы показателями каждой из методик по отдельности, что подтверждает гипотезу о самостоятельности феноменов ОУ и уверенности в себе.

Данные эмпирического подтверждения гипотезы о самостоятельности и вместе с тем взаимосвязи ОУ и уверенности в себе как психологических феноменов вместе с данными о значимых эффектах, оказываемых онтологической уверенностью на компоненты уверенности в себе, можно рассматривать в качестве подтверждения тезиса Р. Лэйнга о том, что ОУ является фундаментом

любой уверенности на примере такого важного её вида, как уверенность в себе.

Ментальной природе ОУ соответствуют более тесные её связи с ментальными компонентами уверенности в себе (собственно уверенностью в себе и социальной смелостью).

Уверенность в себе как социально-психологический конструкт предполагает, прежде всего, бытийную опору в людях, в сфере, которую Л. Бинсвангер называл *Mitwelt*, а также в ментальном Я. Можно говорить о наличии противоречия между уверенностью в элементах бытия-в-мире, составляющих территорию интимности (собственном Я, прежде всего в теле и в значимом как индивидуальной ценности) и инициативой, уверенностью в себе в сфере социальных контактов. Оно может указывать не только на дистанцированность, как необходимый момент сохранения приватной территории в контактах, но и на некоторую отчуждённость, разделяющую «своё» и «чужое».

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. 296 с.
2. Валентурова Н. Г., Матвейчев О. А. Современный человек в поисках смысла. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2004. 260 с.
3. Власова О. А. Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: Союз, 2006. 221 с.
4. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
5. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Рэй, 1994. 120 с.
6. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность: теоретическая модель и диагностика: монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2009. 158 с.
7. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность как индикатор смысла // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. С. 130–137.
8. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность и жизнестойкость. Ценностные основания психологии и психология ценностей // Сборник материалов IV Сибирского психологического форума 16–18 июня, г. Томск. Томск: Изд-во ТГУ, 2011. С. 245–248.
9. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность и самоактуализация // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 1. С. 116–126.
10. Косилова Е. В. Культурологический анализ научной парадигмы в психиатрии на примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга: дис. ... канд. филос. наук. М., 2002. 216 с.
11. Лейбин В. Постклассический психоанализ: энциклопедия. М.: АСТ, 2009. 1022 с.
12. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
13. Мэй Ролло. Открытие Бытия. М.: Ин-т общегум. иссл., 2004. 224 с.
14. Пашинский А. И. Проблема «несчастливого сознания» в экзистенциальном психоанализе Р. Лэйнга // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1989. № 1. С. 60–69.
15. Ромек В. Г. Тест уверенности в себе // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 59–82.
16. Ромек В. Г. Тренинг уверенности в межличностных отношениях. СПб.: Речь, 2008. 175 с.
17. Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру: критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Политиздат, 1985. 175 с.
18. Скотникова И. Г. Проблема уверенности: история и современное состояние // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1. С. 52–60.
19. Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология: учеб.-справ. пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа» Интел-Синтез», 1998. 238 с.

20. Тхостов А. Ш. Субъект и тело / Психосемиотика телесности / под общ. ред. И. В. Журавлёва и Е. С. Никитиной. М.: Ком книга, 2005. С. 10–29.
21. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: избр. тр. Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 273–596.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. 344 с.
23. Laing R. D. The Divided Self An Existential Study in Sanity and Madness. Harmondsworth. 1965. 211 p.
24. Logan S. / NLS .9/27/96, Issue 4878. P. 27, 2 p.

Рукопись поступила в редакцию 03.09.2011

УДК 37.015.31
ББК Ю 984.03

М. Д. Кузнецова
г. Москва, Россия

Формирование субъектных качеств как механизм развития способностей учащихся

В предлагаемой статье представлены результаты исследования субъектных качеств как основы эффективного развития способностей школьников в учебном процессе. Предложен подход к интерпретации понятий субъекта и субъектности, излагаются подходы к разработке частных моделей субъектности, определяющих эффективность различных видов деятельности, представлена модель субъектности, проявляющейся в развитии способностей учащихся, а также результаты её эмпирической проверки. Работа может быть интересна как в теоретическом, так и в конкретном прикладном аспекте. Результаты исследования имеют высокую актуальность для педагогических систем, ориентированных на максимально эффективное развитие учащихся, отбор и последующую работу с одаренными детьми.

Ключевые слова: субъект, субъектность, малопараметрическая модель субъектности, субъектные характеристики учебной деятельности, развитие способностей учащихся

M. D. Kuznetsova
Moscow, Russia

The Formation of Subjective Qualities as a Mechanism for the Development of Students' Abilities

The paper presents the results of the study of subjective qualities as a basis for effective development of schoolchildren's abilities in the learning process. The author proposes an approach to the interpretation of the concepts of a subject and subjectivity, outlines approaches to the development of particular models of subjectivity, determining the effectiveness of various activities. The paper presents the model of subjectivity, which is manifested in the development of students' abilities, as well as the results of its empirical testing. The given work may be of interest both in theoretical and applied aspects. The results of the study are of high relevance to the educational systems aimed at maximum effective development of students, selection and further work with gifted children.

Keywords: subject, subjectivity, parametric model of subjectivity, subjective characteristics of educational activity, development of students' abilities.

Поскольку успешность и эффективность любой деятельности определяется её носителем – субъектом деятельности, выявление качеств, лежащих в основе субъектной позиции, является важнейшей теоретической и практической задачей современной психологии. Определение данных характеристик позволит на качественно ином уровне осуществлять развитие, профессиональную подготовку, психологическое

сопровождение человека в различных жизненных ситуациях. Через развитие качеств, лежащих в основе субъектности, можно будет повысить эффективность и результативность любой реализуемой человеком деятельности, способствуя формированию у него активной, иницирующей, сознательной позиции. Подчеркнём, что это касается и профессиональной сферы, и сферы межличностных отношений, и сферы личностной